

DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-24-45

УДК 94(478)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905–1916 гг.: ФЕНОМЕН И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹

Гром Олег Андреевич

Южный научный центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия
gromescu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен инородческой периодической печати на окраинах Российской империи в начале XX в. Количественный анализ инородческих изданий показал, что, несмотря на политическую реакцию после окончания революции 1905–1907 гг., вплоть до начала Первой мировой войны количество нерусских газет и журналов стабильно росло. В статье выявлены и проанализированы основные особенности взаимодействия иноязычной прессы и имперских властей, которые в целом были похожими на взаимодействие с русской левой прессой. В тематическом отношении для большинства окраинных нерусских изданий было характерно широкое обращение к национальной проблематике, а одной из важнейших тем стал вопрос о выборе языка, алфавита и правописания и шире – вопрос о будущем печатного слова на том или ином языке. Ключевым моментом в истории инородческой прессы стала Первая мировая война, которая привела к полному переформатированию рынка периодических изданий на западных окраинах и значительному сокращению числа изданий на местных языках.

Ключевые слова: периодическая печать, газеты, журналы, инородцы, цензура, языки народов России.

Цитирование: Гром О.А. Национальная периодическая печать в Российской империи в 1905–1916 гг.: феномен и исследовательская перспектива // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 24–45. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-24-45 / Grom O.A. National Periodical Press in Russian Empire in 1905–1916: Phenomenon and Research Outlook, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 24–45. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-24-45.

© Гром О.А., 2022

---

¹ Статья подготовлена в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г. по теме НИР № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)».

NATIONAL PERIODICAL PRESS IN RUSSIAN EMPIRE IN 1905–1916: PHENOMENON AND RESEARCH OUTLOOK

Grom Oleg A.

Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia
gromescu@gmail.com

Abstract. The article deals with the phenomenon of non-Russian periodicals on the outskirts of the Russian Empire in early 20th century. A quantitative analysis of non-Russian publications shows that, despite the political reaction after the end of the Revolution of 1905–1907, the number of non-Russian newspapers and magazines grew steadily until the outbreak of the First World War. The main features of the interaction between the foreign-language press and the imperial authorities have been pointed out. In general, they were similar to the interaction with the Russian left-wing press. Thematically, most non-Russian publications were characterized by a broad appeal to national issues, and one of the most important topics was the choice of language, alphabet and spelling, and more broadly, the issue of the future of the printed word in a particular language. The key moment in the history of the foreign press was the First World War, which led to a complete change of the market for periodicals in the western borderlands and a significant reduction in the number of publications in local languages.

Keywords: periodical press, newspapers, magazines, censorship, languages of Russia's people.

Феномен инородческой периодики в Российской империи, несмотря на довольно внушительную библиографию работ, посвященных изданиям на отдельных языках¹, до сих пор еще не стал предметом сколько-нибудь значимых обобщающих исследований. Отчасти это объясняется разнообразием языков, на которых в начале XX в. выходили газеты и журналы. Исследователь вынужден во многих аспектах обращаться не к первоисточникам, а ко вторичной литературе. Но и здесь возникают сложности, т.к. значительная часть работ по национальной периодике написана на тех же местных языках и редко переводится на русский или английский. Например, единственным на данный момент исследованием не на румынском языке, в котором подробно освещается проблема молдавских периодических изданий, является работа автора данной статьи [Гром, 2018]. Аналогичным образом обстоят дела с историографией периодики на украинском, польском, литовском и даже белорусском языках — лишь отдельные статьи доступны на русском и английском. Также следует заметить, что чаще всего к изучению периодики обращаются не историки, а филологи и специалисты в области журналистики и массовых коммуникаций, что приводит к поверхностному анализу собственно исторического материала.

Данная статья не претендует на всестороннее изучение феномена инородческой печати в дореволюционной России. Основная наша цель состоит в том, чтобы дать общий обзор явления и очертить перспективы для его дальнейшего изучения. Необходимо дать количественную характеристику инородческой прессы в сравнении с изданиями на русском языке и обозначить лингвогеографическое распределение изданий. Объем журнальной статьи не позволяет в достаточной мере охватить все тематическое разнообразие материалов инородческих газет и журналов. Поэтому я сконцентрируюсь на одном сюжете, на наиболее специфической проблеме, стоявшей перед активистами многих национальных движений позднеимперской России — проблеме языка, орфографии и алфавита. Наконец, отдельное внимание будет уделено судьбе нерусской периодической печати на западных окраинах в годы Первой мировой войны и накануне падения самодержавия.

Первая русская революция кардинально изменила положение прессы в России, в числе прочего создав базу для бурного развития печати на национальных окраинах, ранее сдерживаемой многочисленными локальными и общегосударственными ограничениями. «Временные правила о печати» 24 ноября 1905 г. устанавливали явочный порядок регистрации периодических изданий вместо существовавшего ранее, предполагавшего сложную процедуру согласований с губернскими администрациями и различными общеимперскими ведомствами. По новому закону ходатайство о регистрации газеты подлежало удовлетворению в двухнедельный срок для русскоязычных изданий и в месячный — для нерусских [Махонина, 2011, с. 25].

Рост числа инородческих периодических изданий был тесно связан с ростом национальных движений, для которых газеты и журналы становились как средством

---

¹ Приведем для примера лишь несколько крупных работ, относящимся к периодическим изданиям на отдельных языках [Крупский, 1995; Таказов, 1998; Гафаров, 1999; Унучак, 2008; Danilov, 2012; Печенин, 2020].

агитации, так и формой организации. Периодические издания, их количество, тиражи, популярность в народе, наличие ежедневных газет и т.п. рассматривались как символ зрелости движения, его способности противостоять русификации (мнимой или реальной), а также как способ распространения грамотности и национальной сознательности среди масс. Особенно важно это было для народов, не имевших собственной системы образования. Яркое это подметил деятель белорусского национального движения Ильдефонс Бобич: «Писать о значении, которое имеют для белорусского народа газеты и журналы – это в наших обстоятельствах то же самое, что писать в целом о народном образовании и просвещении. У нас она [газета] должна заменить собой и школы, и народные лекции, и книги, и все, что служит просвещению» [Prosty, 1914, s. 1].

Наибольший рост инородческой периодики наблюдался в годы Первой русской революции. Так, в 1905–1907 гг. появилось 24 легальных периодических издания на украинском языке из всего примерно 50-и вышедших вплоть до свержения монархии. Следует учитывать, что большая часть этих изданий не переживала и нескольких месяцев. Лишь 7 украинских газет и десяток журналов смогли продержаться год и более. Схожим был процент «выживания» и на других окраинах.

Точный подсчет числа газет и журналов, вышедших на национальных языках, едва ли возможен, т.к. значительная их часть печаталась нелегально. С наступлением реакции многие издания были закрыты властями либо вынуждены были прекратить деятельность из-за штрафов и цензурных ограничений. Печать на некоторых языках и вовсе прекратилась, как, например, на чувашском после закрытия первой и единственной до 1917 г. газеты «Хыпар» (Весть). На молдавском языке с 1908 г. по 1913 г. издавался только официальный церковный журнал «Луминэторул» (Просветитель). Заметно сократилось после 1907 г. число изданий на других языках.

Тем не менее, к началу 1910-х гг. количественный рост периодики возобновился. Министерство внутренних дел в 1910–1915 гг. публиковало данные о количестве вышедших изданий на разных языках (см. табл. 1). С 1910 г. по 1914 г. наблюдался непрерывный рост числа газет и журналов, совокупное количество которых увеличилось с 1789 до 2291. Доля изданий на русском языке составляла ежегодно около 75%. Среди языков народов империи в 1913 г. наиболее широко пресса была представлена на польском (10,66%), немецком (3,02%), латышском (2,67%) и эстонском (1,91%) языках. Еврейские издания на идише и иврите совокупно составляли 2,08%. Достаточно широко была распространена мусульманская печать, издававшаяся на татарском, азербайджанском, тюркских языках Средней Азии и таджикском (персидском) – всего 1,35%. Примерно по 1% приходилось на грузинские и армянские повременные издания. Доля прочих языков не превышала 1%.

По абсолютным цифрам практически по каждому языку с 1910 г. и до начала Первой мировой войны наблюдался рост числа ежегодно вышедших изданий. При этом в процентном отношении баланс оставался неизменным. Однако некоторые языки заметно увеличили свою долю, как, например, молдавский (румынский),

белорусский и идиш. Причем первые два – из-за эффекта «низкого старта». Из данных МВД видно заметное уменьшение доли татарских изданий, однако это может быть объяснено тем, что статистика стала лучше различать разные тюркские языки и наречия.

Таблица 1. Статистика газет и журналов по языкам накануне и в годы Первой мировой войны¹

		1910	1912	1913	1914	1915
Русский		1789	2075	2137	2291	1790
Польский		259	285	307	315	148
Немецкий		80	84	87	89	40
Латышский		52	71	77	90	68
Эстонский		44	50	55	68	51
Литовский		17	24	28	23	14
Украинский		11	13	17	16	6
Белорусский		1	3	3	4	3
Молдавский		1	1	3	4	3
Грузинский		27	26	34	36	31
Армянский		29	33	30	37	32
Осетинский		1	1	1	0	1
Еврейский	Идиш	6	14	39	42	12
	Иврит	25	29	21	14	5
	Всего	31	43	60	56	17
Мусульманская печать	Татарский	29	18	25	21	22
	Азербайджанский		13	6	13	16
	Тюркские Ср. Азии		2	7	6	6
	Персидский	1	1	1	1	2
	Всего	30	34	39	41	46
Якутский		0	1	1	0	0

¹ Таблица составлена на основе [Статистика произведений печати..., 1911, с. 105], [Статистика произведений печати..., 1913, с. 91], [Статистика произведений печати..., 1914, с. 103], [Статистика произведений печати..., 1915, с. 101], [Статистика произведений печати..., 1916, с. 89]. Данные за 1911 г. отсутствуют. Данные по осетинскому и молдавскому языкам скорректированы по другим источникам. Названия языков приведены в соответствие с современной классификацией. Статистика не учитывает издания, выходившие в Великом княжестве Финляндском.

		1910	1912	1913	1914	1915
Иностранные языки	Английский	1	1	3	3	2
	Французский	10	10	12	12	5
	Греческий	2	4	4	5	3
	Корейский	1	2	2	2	0
	Искусственные	3	7	6	5	1
	Прочие	13	19	12	14	7
	Всего	30	43	39	41	18
Всего	С учетом иностранных	2402	2787	2918	3111	2268
	Без учета иностранных	2372	2744	2879	3070	2250

Преобразование инородческой печати в массовое явление и стремительный рост числа подобного рода изданий заставили власти искать новые методы контроля над ними. В ряде случаев вопрос решался централизованно. Так, при Главном управлении по делам печати (далее – ГУДП) существовала должность цензора, занимавшегося просмотром еврейских изданий на идише, иврите и русском, которую более 10 лет занимал А.Л. Грейс [РГИА, ф. 776, оп. 23, 1906 г., д. 31, л. 21]. Лишь в 1916 г. цензор был отстранен от работы за пропуск статьи, «недопустимой по своей оскорбительности для русского народа» [РГИА, ф. 776, оп. 23, 1906 г., д. 31, л. 131–131об.].

На окраинах надзор за инородческими изданиями в соответствии с «Временными правилами» возлагался на вице-губернаторов, редко владевших местными языками. Поэтому встал вопрос о привлечении к цензуре сторонних лиц. Так, в ответ на запрос кавказского наместника, ГУДП предложило брать переводчиков по вольному найму. Обнаружилась потребность для следующего количества цензоров: 1) в Баку – 1 для просмотра татарских и 1 для армянских газет, 2) в Александрополе – 1 для армянских, в Батуми – 1 для грузинско-турецких [РГИА, ф. 776, оп. 23, 1906 г., д. 46, л. 2об.–3]. Управление ассигновало на эти цели 1000 руб. в год [РГИА, ф. 776, оп. 23, 1906 г., д. 46, л. 4]. Затем возникла необходимость оплачивать работу помощника секретаря Владикавказского окружного суда Д. Газданова для цензурирования осетинской газеты «Фидиог» (вышла в 1906 г. под названием «Ирон газет» («Осетинская газета»)) [РГИА, ф. 776, оп. 23, 1906 г., д. 46, л. 6]. Как видно из дела ГУДП, ассигнования на цензуру инородческих изданий на Кавказе продолжалось как минимум до 1910 г.

В Бессарабии, после появления в мае 1906 г. первой молдавской газеты «Basarabia», сложилась следующая практика: сначала газету читал врачебный инспектор, молдаванин по происхождению, затем он докладывал вице-губернатору содержание подозрительных, с его точки зрения, статей, после чего статьи направлялись на перевод присяжному переводчику Кишиневского окружного суда,

и именно на основании этих переводов против газеты возбуждались дела. Находя такой порядок нерациональным и неэкономным, губернатор ходатайствовал в ГУДП с просьбой выделить 600 руб. в год для оплаты услуг цензора отдельному лицу [РГИА, ф. 776, оп. 23, 1906 г., д. 47, л. 1об.]. Управление просьбу удовлетворило [РГИА, ф. 776, оп. 23, 1906 г., д. 47, л. 5], в результате чего цензором изданий на румынском языке в Бессарабии стал Г.В. Мадан, впоследствии редактор-издатель официальной газеты «Молдованул» («Молдаванин»).

Основным способом цензурно-административного давления на периодические издания, в том числе и инородческие, становится система штрафов и арестов. В качестве примера можно привести газету «Basarabia», по материалам 15 из 79 номеров которой, согласно справке ГУДП, возбуждались уголовные преследования [РГИА, ф. 776, оп. 16, ч. I, д. 380, л. 6–6об.]. Кроме этого, как минимум один номер газеты был конфискован полицией без решения суда.

Как видно из публикаций многих газет, типичный штраф, налагаемый на издателей, составлял 100–500 руб., что было немалой суммой, эквивалентной затратам на печать одного или нескольких номеров. Из-за штрафов и арестов газеты и журналы часто выходили с нарушением периодичности, сдвоенными и даже строеными номерами. Широкое распространение получила профессия «зиц-редактора», человека, отбывавшего тюремное заключение в случае неуплаты штрафа.

Другим способом противодействия распространению «вредных» с точки зрения чиновников изданий стали препятствия в их отправке подписчикам. Особенно часто старались не допустить инородческие издания в села. Так, в малороссийских губерниях даже действовал «секретный» (но при этом хорошо известный издателям и читателям газет) циркуляр по почтовому ведомству, в котором говорилось о необходимости препятствовать попаданию левых газет в руки крестьян, распространявшийся и на все украинские издания [Ткаченко, 2004, с. 40]. О случаях перебоев получения газет, а также о попытках запрета хождения их в уездах сообщали и молдавские издания [Nour, 1906].

Крайней формой борьбы с нежелательными изданиями было закрытие их административным порядком. В реальности эта мера была малоэффективной, т.к. действовавшие законы не запрещали регистрировать сразу несколько газет и заново открывать их под другим названием. Например, партийный орган грузинских социал-демократов, газета «Схиви» («Луч»), в 1905–1907 гг. меняла название 7 раз, пока ее последняя реинкарнация, – газета «Гза» («Путь»), – не была окончательно закрыта [Georgian Newspapers].

Часто издатели заранее подготавливали «заменяющие» издания. Так, молдавские активисты, замыслив первую в Бессарабии газету на румынском языке, подали сразу три прошения на газеты: «Basarabia» (под ред. Эм. Гаврилицы), «Viața Nouă» («Новая жизнь», под ред. В. Боди) и «Лумина» («Свет», под ред. Н. Бивол) [РГИА, ф. 776, оп. 16, ч. I, д. 377; д. 379; д. 380]. В июне 1906 г. издатель русской газеты

«Бессарабская жизнь» Ф.Е. Захаров получил разрешение на издание молдавской газеты «Вьяца Басарабией» («Бессарабская жизнь») [РГИА, ф. 776, оп. 16, ч. I, д. 383, л. 1]. В день выхода последнего номера «Басарабии», 11 марта 1907 г., это разрешение было перерегистрировано на активного участника и вдохновителя издания «Бассарабии» А. Ноура, которым он воспользовался в апреле 1907 г. [РГИА, ф. 776, оп. 16, ч. I, д. 383, л. 5].

При замене одного издания на другое старые подписчики, как правило, получали новую газету бесплатно. Например, газета «Вьяца Басарабией» информировала: «Сообщаем читателям газеты “Басарабия”, что по договоренности с ее редактором-издателем, господином Э. Гаврилицей, приостановившим свою газету, все читатели газеты “Басарабия” будут принимать бесплатно, каждый на время своей подписки, новую газету “Вьяца Басарабией”» [O înștiințare]. Аналогичным образом подписчики закрытой украинской газеты «Засів» на 1911 г. получили полную ее подшивку за все время существования, а также получали заменившую ее газету «Село» [Ткаченко, 2004, с. 35].

Специфической чертой инородческой прессы, отличавшей ее от русской, было отношение к периодичности. Если русские издания, претендовавшие на успех у публики, стремились быть ежедневными, то наиболее типичной формой инородческой периодики на большинстве окраин стала еженедельная газета или журнал. Связано это было в первую очередь с необходимостью уменьшить издержки, т.к. большинство нерусских изданий были заведомо убыточными из-за малого числа потенциальных подписчиков. Они часто целиком зависели от субсидий меценатов, симпатизировавших национальным движениям. Другая причина, делавшая еженедельник наиболее популярной формой инородческого издания, — это ориентация большинства национальных изданий на крестьянство и сельскую интеллигенцию. Так, А. Булат, говоря о литовских газетах, объяснял форму еженедельника «недостатком времени у деревенского читателя заниматься чтением в будни, а главным образом почти полным отсутствием сельской почты в Литве, вследствие чего корреспонденция в деревню попадает в среднем не более 1 раза в неделю» [Формы национального движения..., 1910, с. 431].

Преимущество, отдаваемое еженедельным газетам, и крестьянская ориентация определяли и малый формат, и смещение акцента с новостей и актуальной аналитики на литературу и сообщение различных «полезных сведений», что делало разницу между газетой и журналом достаточно условной. Украинские издания часто назывались словом «часопис», обозначающим либо журнал, либо периодическое издание вообще. Например, украинский «Рідний край» традиционно считается журналом, в то время как белорусская «Наша нива», имевшая до 1912 г. схожую программу, структуру и точно такой же формат в виде книжек со сквозной нумерацией страниц в рамках одного года, более типичный для журналов, относится к газетам. Даже в официальных документах существовала путаница с классификацией этого издания. Так, виленские чиновники в переписке с ГУДП называли «Нашу ниву» то журналом, то газетой [Унучак, 2008, с. 145–146].

С точки зрения тематики инородческие издания можно разделить на три типа: национальные, партийные (корпоративные) и коммерческие. К первому типу так или иначе относилась большая часть того, что печаталось на языках народов империи, однако процент материалов, отводившихся национальной проблематике, сильно варьировался от значительного внимания к национальному вопросу при сохранении общей общественно-политической, как правило прогрессистской, направленности (например, «Рада», «Basarabia», «Наша ніва») до узкоспециализированных изданий, почти исключительно посвященных национальному вопросу во всех его проявлениях (напр., «Сніп»). Издания первого типа по мере усиления реакции в 1907–1910 гг., как правило, претерпевали эволюцию от скорее «прогрессивных», и даже «революционных», до «умеренных», часто концентрировавшихся на «культурной работе» и дистанцировавшихся от «большой политики». В этом отношении они отчасти повторяли судьбу русских левых газет, также заметно дерадикализировавшихся к началу 1910-х гг.

Второй тип, партийная пресса, получил широкое распространение в эпоху революции 1905–1907 гг. Особенно популярны были партийные газеты на Кавказе, издававшиеся на грузинском и армянском языках. По своему содержанию они мало чем отличались от аналогичных русских, а национальная проблематика в них не затрагивалась вовсе или шла в качестве незначительного дописка к вопросам земли, воли, революции и политических свобод. Как правило, партийные издания радикально-революционного характера оперативно закрывались властями. Примером может служить украинская газета «Боротьба», выдержавшая всего 4 номера. В материалах газеты присутствует исключительно общероссийская проблематика, а «украинский вопрос» никак не обозначен. Уже первый номер был конфискован полицией, хотя большая часть тиража к этому моменту успела разойтись по рукам. На редактора Н. Стаховского завели дело, а Цензурный комитет потребовал приостановить издание [Київська хроніка]. После наступления реакции жанр радикальных партийных однодневок сошел на нет, но стало появляться больше «корпоративных» изданий, специализировавшихся на сельском хозяйстве, кооперации, земской проблематике, а также клерикальных газет и журналов, таких как, например, православные «Луминэторул» («Просветитель») на молдавском, «Чырыстон цард» («Христианская жизнь») на осетинском, католический «Biełarus» («Белорус») и др. Клерикальные газеты и журналы могли как сочетать религиозную и националистическую составляющие, так и иметь сугубо религиозную направленность.

Коммерческая пресса на национальных языках развивалась труднее. По сути, успешные издания подобного рода были характерным явлением на окраинах, где пресса существовала до 1905 г., а круг публики, читающей на местном языке, был широким. Как правило, это Прибалтика, Финляндия, Польша. Однако попытки «коммерциализации» прессы предпринимались и на других окраинах. Так, украинский публицист К.М. Бич-Лубенский писал в газете «Рада», что в Баку выходят две ежедневных газеты: «национально-прогрессистский и демократический» «Икбал» («Благоденствие») и «бульварный» «Садай Хак» («Колос истины»). Он отмечал

погону азербайджанских газет за тиражами, которые выросли с 500–700 до 2000–4000 тыс. экземпляров, что выразилось в перекосе в сторону «популярных» тем в ущерб «национальному делу»: «Что касается техники и содержания, — писал автор, — то она еще далеко не высокого качества. Авторы гонятся за примерами европейских популярных газет, ударяются в высокую политику, а на свои болячки мало обращают внимания; национальными вопросами не интересуются, а поэтому этот вопрос никогда не обговаривается в полной мере на страницах прессы кавказских татар» [Бич-Лубенский, 1913].

Наибольший интерес с точки зрения изучения феномена инородческой печати представляют издания, выходившие на западных окраинах. Именно здесь шли интенсивные дебаты по вопросам языка, автономии, национальной идентичности и судеб империи. Печать народов региона была более всего интегрирована в общеимперское медийное пространство. Ссылки на польские и русские газеты и полемика с ними были типичными для украинских, белорусских и литовских изданий. На украинскую «Раду» периодически ссылалась молдавская «Basarabia». В белорусской «Нашей ниве» внимательно следили за украинским движением. В 1909–1911 гг. здесь регулярно печатались корреспонденции из Украины, переводы статей из украинской прессы. Белорусские публицисты отмечали, что между украинским и белорусским движениями имеется много общего, однако украинцы продвинулись дальше в деле национального строительства [Журба, 1909]. В национальных движениях поляков, литовцев и украинцев, в их борьбе за школу и язык предлагали брать пример белорусские активисты [Народны вучыцель, 1907].

Наиболее знаковой украинской газетой можно считать киевскую ежедневную газету «Рада», издававшуюся с 1906 г. по 1914 г. благодаря энтузиазму и средствам Е.Х. Чикаленко. «Рада» была создана по образцу русских либеральных ежедневных газет, но к стандартному набору сюжетов, связанных с деятельностью Думы, борьбой за свободы и политические права газета добавляла и украинский национализм. «Рада» организовала широкую сеть распространения, купить ее можно было почти во всех крупных городах Новороссии и Малороссии, а также в других частях империи, где были украинские «колонии» — Воронеже, Таганроге, Баку, Владивостоке и др.

Среди многочисленных публикаций «Рады» отдельный интерес представляют публикации, посвященные национальным движениям на окраинах Российской империи, объединенные в регулярную рубрику «Из жизни недержавных наций», в которой описывалась культурная жизнь большинства крупных этнических групп Российской империи — белорусов, молдаван, народов Закавказья, Прибалтики, Сибири и Поволжья. При написании статей рубрики использовались как перепечатки из других газет, как правило русских, так и сообщения от собственных корреспондентов «Рады». Публицисты «Рады» пытались искать черты, объединявшие украинское национальное движение и движения других народов России, а также примеры удачной реализации культурно-просветительских начинаний [Гром, 2021].

Первой белорусской газетой стала вышедшая 1 сентября 1906 г. «Наша доля». Всего увидело свет шесть номеров. Газета имела открыто революционный характер, почти каждый ее номер подвергался конфискации и фактически не доходил до читателей [Ад рэдакцыі]. В итоге издание газеты было остановлено, а ее подставной редактор И.А. Тукеркес приговорен к году тюрьмы [Марцін, 1907]. Еще до закрытия «Нашей доли» белорусские активисты организовали выпуск газеты «Наша ніва». Ее формат, периодичность и структура были практически идентичны «Нашей доле».

Уже в первых номерах «Нашей нивы» наметилась тенденция отхода от сугубо социальной тематики и ориентации только на «мужиков», т.е. крестьян, характерной для «Доли». Однако публикации про Думу, аграрный вопрос, права, социальную справедливость и т.п., типичные для русской прогрессивной печати того времени, продолжали составлять значительный процент материалов «Нашей нивы». Националистические мотивы нарастали постепенно и начинают занимать заметное место в публикациях газеты только в 1909–1910 гг. В 1912 г. газета меняет формат с «журнального» на большой, ее фактическим редактором становится И.Д. Луцевич (известный как поэт Янка Купала), а национальная тематика окончательно утверждается в качестве основной.

Практически для всех инородческих изданий на языках, чья публицистическая традиция началась в конце XIX–начале XX в., остро стояли вопросы выбора алфавита, правописания и публицистического стиля. При этом далеко не все члены того или иного этнического сообщества разделяли энтузиазм национальных активистов, взявшихся за газетное дело. Так, появление белорусских газет было неоднозначно встречено обществом. Уже в первых откликах помимо радости от обретения собственного печатного слова фиксировалось мнение, что белорусский язык – это язык «хамский», непригодный для серьезной публицистики. Предлагалось газету для белорусов издавать по-польски или по-русски, т.к. «белорусский язык – язык мертвый и не стоит его поднимать из могилы». Однако редакция газеты настаивала на том, что именно «мужицка мова» является ключом к сердцу 10-миллионного темного белорусского народа [Перадавы артыкул].

Отличительной особенностью белорусского национального дискурса стал вопрос о выборе алфавита. В 1906 г. было задано направление на параллельное использование двух график: кириллицы для православных белорусов, учившихся в русских школах, и латиницы для католиков, получивших образование по-польски. Кириллическая версия «Нашей нивы» изначально использовала чистую русскую гражданку, без еров и ятей, однако уже к концу первого месяца издания стала регулярно употребляться буква «ў», а с 1909 г. буква «и» заманена на «і» на манер украинского алфавита. Более радикальные изменения произошли в латинице, где по существовавшей еще с середины XIX в. традиции использовался польский алфавит с добавлением буквы «й». В 1909 г. параллельно с «реформой» кириллицы, принятой редакцией «Нашей нивы», была модифицирована и латиница. Вместо «sz», «cz» и «ż» теперь предлагалось использовать буквы с «гачеками» – «š», «č» и «ž». Аналогичная замена ранее была произведена в литовском правописании с целью

обособления от польской традиции. Знаковость этой перемены нашла отражение и в подзаголовке газеты, которая теперь издавалась не «русскими и польскими», а «русскими и латинскими» буквами.

В 1911–1912 гг. «алфавитный вопрос» в белорусской печати вновь встал на повестку дня. Редакция «Нашей нивы» решила отказаться от издания газеты двумя алфавитами и организовала на своих страницах полемику с читателями. Поскольку вопрос об алфавите был тесно связан с конфессиональным, редакция попыталась смягчить его остроту, объявив смену шрифта процедурой чисто технической. «Не в шрифте белорусское дело. Дело наше в нашей душе, в нашем языке» – писали издатели газеты [I. М-скі, 1912а, с. 2]. Интересна подборка писем читателей и комментарии к ним издателей газеты. В последних прослеживается стремление подтолкнуть читателей к уже фактически решенному вопросу, что газета будет печататься только кириллицей. В № 5 был помещен разбор письма Янки Купалы. «В нашем крае, – писал Купала, – почти каждый грамотный знает русские буквы, а не латинские, – и я присоединяюсь к сторонникам одного шрифта в белорусском печатном слове и подаю свой голос за те буквы, какими суждено было печататься первой белорусской светской книжке – Статуту Литовскому» [I. М-скі, 1912b, с. 2]. Мотив того, что кириллица – это что-то родное и исконное, также высказан в письме М. Бобрича: «Дивно мне и очень, очень грустно, что есть еще люди, имеющие такую оригинальную любовь к латинскому шрифту». Автор высказывал мысль, что русский шрифт для белорусов глубоко родной. Кроме того, белорусов-православных в три раза больше, чем католиков. Причем католики тоже ходят в школы, где их учат русскому языку, и среди них знающих алфавит не меньше, чем среди православных. Заключал Бобрич тем, что за кириллицу должен отдать свой голос «каждый сознательный белорус» [I. М-скі, 1912b].

В № 42 было сделано объявление, что «по приговору читателей» газета теперь будет выходить только русскими буквами, а несогласным читателям предлагалось принять неминуемое. Редакция выражала надежду, что каждый белорус будет и дальше читать «единственную белорусскую газету» [Да нашых чытачоў]. Однако опасения раскола в белорусском движении на почве выбора алфавита оправдались в 1913 г., когда начинает выходить вторая белорусская газета, – «Biełarus», – которая отказывается не только от кириллицы, но и от реформированной на чешско-литовский манер латиницы в пользу норм классической польской письменности. Газета издавалась группой католических священников и сочетала освещение сугубо религиозной проблематики с национальной, предлагая библейско-христианскую трактовку нации [Bystryk, 2020, p. 120]. Формально новая газета не полемизировала с «Нашей нивой», но, видимо, раскол по алфавитному вопросу назревал давно, поскольку разрешение на издание «Беларуса», полученное заранее, было пущено в дело сразу же после отказа «Нашей нивы» от латинской версии [Tarasiuk, 2014, s. 11].

Вопрос о языке и алфавите стал предметом дискуссий среди издателей первых молдавских газет. Поскольку румынская латиница была мало знакома массе

населения Бессарабии, а историческая кириллица, основанная на церковнославянском письме, к началу XX в. почти вышла из употребления, возникла необходимость создания доступной системы письма. Ее разработкой занимался Ион Пеливан. В 1905 г. в письме бессарабскому политическому эмигранту Замфиру Арбуре он писал: «Нам нужна молдавская газета. Поскольку большинство не читает латинским шрифтом, существует необходимость какое-то время издавать газету русским шрифтом. Тем не менее, русская азбука не отвечает полностью румынской фонетике. Буквы, а лучше сказать звуки: "h", "d", "g(e)", "i" (вторая и последняя были официально исключены из румынского правописания еще в 1904 г. — *О.Г.*), отсутствуют в русском алфавите, мы полагаем, что можем их заменить буквами "х", "дз", "дж", "у" и "ъ» [Halipra, 2001, p. 48].

В окончательном варианте графика молдавской газеты все же была максимально приближена к нормам русского правописания. Например, звук «я» передавался буквой «э» вместо традиционной для румынской кириллицы «ъ»; сохранялись русские правила употребления букв «и» и «і». Все последующие молдавские издания использовали схожие системы записи, с незначительными модификациями, вроде замены «э» на «ъ».

Единственной попыткой отойти в сторону от кириллицы стала газета А. Ноура «Вьяца Басарабией», которая, подобно белорусской «Нашей ниве», издавалась сразу двумя алфавитами, кириллицей (по системе газеты «Басарабия») и румынской латиницей. Но если латинская и кириллическая версия «Нашей нивы» были, за исключением алфавита, на 100% идентичными, то версии газеты Ноура отличались еще и стилистикой, т.к. версия на латинице была предназначена для интеллигентной публики, а кириллическая адаптирована для крестьян [Ciobanu, 1992, p. 229]. Других попыток использовать для издания газет двух алфавитов параллельно нам не известно.

Вопрос выбора орфографии стоял и перед издателями первых украинских газет, большая часть которых в итоге остановилась на «фонетическом правописании». При этом многие газеты, даже заведомо ориентированные на «сознательную интеллигенцию», выходили в 1905–1907 гг. с характерными инструкциями вида: «Треба вимовляти: и як російське **ы**, ї як **йі**, є як **йе**, е як **э**» [Наша дума]. Некоторые газеты все же использовали «этимологическое правописание», или «ярыжку», как, например, подольская «Свитова зирныця». Но и ее редакция с 1907 г. перешла на «фонетическое» письмо [Доманицький, 1907, с. 56–57].

Но бóльшей проблемой, чем алфавит, для инородческих изданий стал язык. Уже в первый год издания газеты «Рада» редакция вступила в полемику с некоторыми читателями, считавшими язык газеты не самым удачным. Одни обвиняли газету в использовании галицизмов, другие — в чрезмерном количестве полтавских черт. Наиболее частым было предложение издавать газету «языком Шевченко». Сергей Ефремов отвечал на это тем, что «язык Шевченко», равно как и «язык Пушкина» — это языки, отражавшие реалии почти 100-летней давности, кроме того, они

совершенствовались для целей художественной литературы и малопригодны для современной публицистики. Он предлагал «полуграмотным, полусознательным интеллигентам на местах» не апеллировать к той версии языка, которая близка тому или иному читателю, а учиться языку у народа [Сфремов, 1907].

Другим обвинением в адрес издателей «Рады» и других газет было использование русизмов (зросійщення) в языке газеты. Автор статьи «В деле про наш язык», отвечая на эти обвинения, парировал, что издание газеты, особенно ежедневной, требует быстроты: «тут нет времени на то, чтобы обдумывать каждое слово». Журналисты получали образование в российских учебных заведениях и пользуются при создании украинской газеты почти исключительно русскими источниками, а следовательно, вынуждены «думать по-русски» [Гр. Ков.-Кол., 1909]. Аналогичная проблема существовала и у издателей первых молдавских газет. Теодор Инкулец признавался в своих воспоминаниях: «Мы писали тяжело, потому что думали по-русски. Гаврилицэ (издатель газеты. — О.Г.) же легко писал по-румынски, потому что, прежде чем написать, не думал по-русски» [Colesnic, 1993, p. 37]. Для одного из пионеров молдавского газетного дела, А. Ноура, румынский язык вообще не был родным [Colesnic, 1997, p. 80]. Нужно заметить, что в молдавских и украинских газетах того времени нередко встречаются целые фрагменты текстов, являющиеся кальками из русских публицистических выражений, переложенными на «народный язык».

Отдельный интерес для изучения представляет феномен публикаций на национальных языках в русских изданиях и национальной прессы на «чужих» языках. Так, в малороссийских губерниях русские газеты периодически публиковали материалы на украинском языке. Например, «Газета» (Киев), «Газета гадячского земства», «Подолія», харьковский журнал «Хлебороб» отводили украинским материалам постоянное место [Дорошенко, 1909, с. 1]. Финские национальные активисты издавали в 1908–1910 гг. на русском языке журнал «Финляндия». В газете «Рада» была помещена рецензия на это издание, в которой говорилось, что «журнал имеет целью знакомить русское общество с Финляндией, с желаниями и стремлениями финляндцев, с социальной, экономической и политической жизнью Финляндии... давать новости про посягательства на самостоятельность Финляндии, доказывать всю безосновательность обвинений финляндцев в "сепаратизме" и враждебном отношении к России». Особенно подчеркивалось, что финляндцы поняли, насколько важен подобный орган, издающийся именно на русском языке. Идея признавалась полезной для украинцев и других «недержавных народов». Конечной целью подобной агитации должна была стать «борьба с теми элементами, которые, пользуясь недостатком знаний о недержавных народах, выдумывают всякую околесицу и осмеливаются, например, доказывать, что украинцам свой язык не нужен, что они русский язык знают лучше своего, что украинцы хотят, чтобы и в школе, и в церкви, и в суде господствовал чужой язык» [Черніговец, 1910]. Позднее деятели украинского движения смогут реализовать подобный проект, когда в 1912 г. начнет выходить русскоязычный журнал «Украинская жизнь». Однако еще в 1906 г. на

русском языке издавался журнал «Украинский вестник», посвященный украинской тематике.

Не только русский язык использовался в таком качестве. Так, с 1908 г. в Вильно выходил журнал «Litwa», издававшийся литовцами на польском языке для пропаганды идей литовского национализма среди ополяченного дворянства. В журнале также появлялись сочувственные белорусскому движению публикации [Prasa Białoruska] и даже печатались отдельные статьи на белорусском языке. Сами белорусы изначально пытались использовать журнал для собственных целей, однако со временем появились разногласия относительно этнической сущности Виленской губернии, которые привели к размежеванию двух национальных движений [Мастяница, 2016, с. 88–90].

Начало Первой мировой войны существенно переформатировало рынок периодической печати в России. Согласно статистическим данным, общее число газет и журналов в империи с 1914 по 1915 г. сократилось с 2291 до 1790, или на 21,87% (см. табл. 1). В реальности количество закрытых и приостановленных изданий было еще большим, однако эта убыль частично компенсировалась за счет многочисленных «военных листков», по большей части информационного и пропагандистского характера. Доля нерусских изданий сократилась на 5%. Сильнее всего пострадали польская (с 10,76% в 1914 до 6,52% в 1915 г.) и немецкая (с 2,9 до 1,78%) пресса. Это объясняется тем, что значительная часть Польши оказалась в оккупации, а немецким изданиям приходилось работать в условиях шпиономании. Уменьшилась и доля еврейской печати (с 1,82 до 0,76%). Доля числа литовских изданий также заметно сократилась – с 0,75 до 0,65%. При этом на Кавказе количество изданий на грузинском и армянском языках почти не изменилось в первые годы войны, а число азербайджанских даже выросло. Относительное число татарских изданий также выросло. В Поволжье в годы войны некоторые народы (марийцы, удмурты, кряшены) впервые обрели периодические издания на собственных языках, пусть и в форме «военных листков» [Помелов, 2016, с. 25].

Процент украинских газет и журналов снизился с 0,52 до 0,27%, причем из довоенных изданий в 1915 г. продолжал выходить только «Рідний край». Всего в 1915 г. на украинском языке выходило три газеты и три журнала. Однако журналы имели скорее характер литературных сборников, а единственной классической «национальной» газетой была харьковская газета «Гасло», но и она перестала выходить после 5 номера. По выражению историка украинской прессы В. Игнатиенко, это была «анемичная газета», которая из-за военной цензуры не могла никого удовлетворить, и единственным оправданием ее существования было стремление «показать, что украинские гражданские силы в любых обстоятельствах борются с российской реакцией» [Ігнатієнко, 1926, с. 60].

Белорусские периодические издания продолжали выходить свободно в первый год войны, но были приостановлены после занятия немцами в июле 1915 г. Вильно, главного центра издания белорусских газет. На оккупированной территории

в начале 1916 г. с разрешения немецких властей выходит белорусская газета «Номан». В конце 1916 г. часть национальных активистов, оставшихся в России, предпринимают попытку издавать в Петербурге газеты «Дзянніца» и «Švietა̄š», но в условиях военной цензуры они выдержали всего по 7 номеров каждая. После цензурирования в них не оставалось почти ничего, кроме некоторых новостей, литературы и статей по вопросам орфографии.

Последний, 7-й номер «Дзянніцы» была единственным, вышедшим без заметных цензурных купюр. В передовой статье проводилась мысль, что малые народы понесли от войны наибольшие жертвы в борьбе за общее дело и большие народы должны их за это отблагодарить. Текущая война, по мысли автора статьи, должна стать последней войной, а также войной за освобождение малых наций: «Только при полной свободе всех народов могут господствовать на земле между всеми людьми согласие и счастье» [Жылчуновіч, 1916].

Схожие мысли о том, что война принесет разрешение национального вопроса, мы находим и в молдавской прессе военного времени. Видный деятель молдавского национального движения П. Халиппа утверждал, что страны Антанты, а в особенности Россия, воюют не только за свои интересы, но и за интересы малых наций. После того, как цели войны будут достигнуты, «сама внутренняя жизнь империи изменится до основания. Грядет братство всех народов, составляющих империю, и все начнут шагать по пути прогресса, света и процветания, помогая друг другу». Судьба бессарабских молдаван тоже станет в известной мере ясной в результате войны, «ибо известно, что, хотя мы и живем под русским владычеством, мы являемся народом, отличным от народа русского, и имеем право на отдельную жизнь с нашей национальной культурой, с молдавской церковью и со всеми общественными институтами, в соответствии с историей и нуждами этой страны, которая издревле была и остается молдавской... Российская империя должна решить не только нашу судьбу, но и судьбу многих других народов, которые в ней живут, но не являются частью русской народности» [Halipra, 2001, p. 98–99].

Таким образом, периодические издания народов Российской империи остаются перспективным и в полной мере не исчерпанным источником, который может открыть новые грани в изучении национальных окраин и национальных движений. Крайне важно преодолеть партикуляризм в этом вопросе и перейти к изучению инородческой прессы в сравнительном контексте. Перспективными сюжетами при этом могут выступать коммуникация между национальными движениями, трансфер идей и роль русскоязычной публичной сферы в этом трансфере, взаимоотношения власти и национальных движений в лице издателей и сотрудников газет и журналов, а также опыты по использованию нерусской печати имперскими агентами.

Взрывной рост числа нерусских изданий в начале XX в. стал следствием революции 1905–1907 гг., приведшей к активизации национальных движений на одних окраинах и выходом на сцену новых на других. Кроме того, либерализация законов

о печати и отмена ряда ограничений, существовавших для печати на отдельных языках (прежде всего литовском, украинском, польском), позволила издателям газет и журналов действовать преимущественно в легальном поле. Условия, в которых выходили инородческие издания, в целом мало отличались от русских. Способы борьбы с нежелательными изданиями также были схожими со способами борьбы с левой русской прессой и включали в себя штрафы, аресты отдельных номеров, препятствие распространения по подписке, а также закрытие в административном порядке.

За ростом 1905–1907 гг. последовал существенный спад, затем наблюдался медленный рост в начале 1910 г. С началом Первой мировой войны больше всего пострадала пресса народов западных окраин, что было связано с поиском нелояльных элементов, которыми считались инородцы, оккупаций Польши, Литвы и части Белоруссии, а также военной цензурой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ад рэдакцыі // *Наша доля*. 1906. № 5. С. 7.

[Бич-Лубенський К.М.] Порубайміх С. Татарський культурний рух на Кавказі // *Рада*. 1913. № 51. С. 2.

Гафаров Н.У. Культурно-просветительская деятельность джаидов в Бухарском эмирате (начало XX века). Дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1999. 221 с.

Гр. Ков.-Кол. В справі про нашу мову // *Рада*. 1909. № 188. С. 1.

Гром О.А. Молдавское национальное движение в Бессарабии в конце XIX–начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2018. 205 с.

Гром О.А. Национальные движения народов России начала XX в. глазами украинских публицистов (по материалам газеты «Рада») // *Русская старина*. 2021. № 12(1). С. 29–38.

Да наших читачоў // *Наша ніва*. 1912. № 42. С. 1.

Доманицький В. Українська преса в 1906 р. // *Україна*. 1907. Т. I. Кн. 1. С. 48–65.

Дорошенко Д. Українська преса в 1908 році // *Рада*. 1909. № 2. С. 1–2.

Єфремов С. З нашого життя // *Рада*. 1907. № 89. С. 2–3.

Журба Я. Лісты з України // *Наша ніва*. 1909. № 13–14. С. 200–202.

[Жылчуновіч Д.] Д. Ж-ч. Перадавы артыкул // *Дзянніца*. 1916. № 7. С. 1.

І. М-скі. Гутаркі с чытачамі. Які шрыфт? // *Наша ніва*. 1912. № 4. С. 2–3.

І. М-скі. Гутаркі с чытачамі. Які шрыфт? // *Наша ніва*. 1912. № 5. С. 2–3.

Ігнатієнко В. Українська преса (1816–1923 рр.). Київ: Державне видавництво України, 1926. 78 с.

Київська хроніка // *Боротьба*. 1906. № 2–3. С. 5.

Крупський І.В. Національно-патріотична журналістика України (друга половина ХІХ–перша чверть ХХ ст.). Львів: Світ, 1995. 184 с.

Марцін. Суд «Нашай долі» // *Наша ніва*. 1907. № 3. С. 6–7.

Мастяница О. От союзника до конкурента: Восприятие белорусского национального движения в литовском периодическом издании «Litwa» в 1908–1914 гг. // *Homo Historicus 2016: Гадавік антрапалагічнай гісторыі*. Вильня: Беларускі калегіум, 2016. С. 79–96.

Махонина С.Я. История русской журналистики начала ХХ века. Учебн. пособие. М.: Флинта, Наука, 2011. 240 с.

Народны вучыцель. Аб нацыяналізацыі школы // *Наша ніва*. 1907. № 11. С. 3–5.

Наша дума. 1907. № 1. С. 1.

Перадавы артыкул // *Наша ніва*. 1906. № 2. С. 1–2.

Печенин И.В. Еврейская периодическая печать в Российской империи в ХІХ–начале ХХ вв. Справочно-аналитическое издание. ГанOVER: Еврейская старина, 2020. 368 с.

Помелов Б.В. Выдающийся просветитель марийского народа П.П. Глезденёв и его миссионерская деятельность в Вятской губернии // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2016. Т. 2. № 2. С. 21–28.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 16. Ч. I. Д. 377.

РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. I. Д. 379.

РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. I. Д. 380.

РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. I. Д. 383.

РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 31.

РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 46.

РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 47.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1910 г. СПб.: Тип. МВД, 1911. 113 с.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1912 г. СПб.: Тип. МВД, 1913. 102 с.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 г. СПб.: Тип. МВД, 1914. 114 с.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1914 г. СПб.: Тип. МВД, 1915. 113 с.

Статистика произведений печати, вышедших в России в 1915 г. СПб.: Тип. МВД, 1916. 99 с.

Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Оссетии (вторая половина ХІХ–начало ХХ в. Дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 1998. 370 с.

Ткаченко І.В. Видання українського народного тижневика «Засів» у Києві (1911–1912) // *Рукописна та книжкова спадщина України*. 2004. Вип. 9. С. 29–45.

Унучак А. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.). Мінск: Беларускавая навука, 2008. 186 с.

Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб: Типография товарищества общественная польза, 1910. 821 с.

Черніговець. Часопис «Финляндия» // *Рада*. 1910. № 52. С. 2–3.

Bystryk Al. Praising Christ, Serving the Nation: The Ideology of the Catholic Newspaper Bielarus (1913–1915) // *Entangled Interaction Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe*. Ed. by Aoshima Y. Boston: Academic Studies Press, 2020. Pp. 118–129.

Ciobanu Șt. *Cultura românească în Basarabia sub stăpînirea rusă*. Chișinău: Editura «Gheorghe Asachi», 1992. 270 p.

Colesnic Iu. *Basarabia necunoscută*. Vol. I. Chișinău: Universitas, 1993. 316 p.

Colesnic Iu. *Basarabia necunoscută*. Vol. II. Chișinău: Museum, 1997. 286 p.

Danilov M. *Presă și cenzură în Basarabia. Documentar (Secolul al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea)*. Chișinău: Pontos, 2012. 208 p.

Georgian Newspapers. Catalogue. URL: <http://nplg.gov.ge/paperge/en/browse/001026/> (дата обращения – 11 февраля 2022 г.).

Halippa P. *Publicistica*. Chișinău: Museum, 2001. 278 p.

Nour A. Un adevărat rus // *Basarabia*. 1906. № 12. P. 1.

O înștiințare // *Viața Basarabiei*. 1907. № 2. P. 4.

Prasa Białoruska // *Litwa*. 1908. № 4. S. 62.

Prosty P. [Bobicz I.] *Na szto biełarusam hazety?* Wilnia: Znicz, 1914. 16 s.

Tarasiuk D. Problematyka narodowa na łamach tygodnika «Biełarus» // *Studia Białorutenistyczne*. 2014. № 8. S. 11–19.

REFERENCES

Ad redaktsyi [From the Editorial Staff], in *Nasha dolya*. 1906. No. 5. P. 7 (in Belorussian).

[Bych-Lubens'kyi K.M.] Porubaimikh S. Tatars'kyi kul'turnyi rukh na Kavkazi [Tatar Cultural Movement in the Caucasus], in *Rada*. 1913. No. 51. P. 2 (in Ukrainian).

Gafarov N.U. *Kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' dzhadidov v Bukharskom emirate (nachalo XX veka)* [The Cultural and Educational Activities of the Jadids in the Bukhara Emirate (Beginning of the 20th century)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Dushanbe, 1999. 221 p. (in Russian).

Gr. Kov.-Kol. V spravi pro nashu movu [In the Matter of our Language], in *Rada*. 1909. No. 188. P. 1. (in Ukainian).

- Grom O.A. *Moldavskoe natsional'noe dvizhenie v Bessarabii v kontse XIX–nachale XX v.* [Moldavian National Movement in Bessarabia in Late 19th and Early 20th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Stavropol', 2018. 205 p. (in Russian).
- Grom O.A. Natsional'nye dvizheniya narodov Rossii nachala XX v. glazami ukrainskikh publitsistov (po materialam gazety "Rada") [National Movements of the Peoples of Russia in Early Twentieth Century Through the Eyes of Ukrainian Publicists (Based on the Newspaper "Rada")], in *Russkaya starina*. 2021. No. 12(1). Pp. 29–38 (in Russian).
- Da nashykh chytachou [For Our Readers], in *Nasha niva*. 1912. No. 42. P. 1 (in Belorussian).
- Domanyts'kyi V. Ukrayins'ka presa v 1906 r. [Ukrainian Press in 1906], in *Ukrayina*. 1907. Vol. I. Book. 1. Pp. 48–65 (in Ukrainian).
- Doroshenko D. Ukrayins'ka presa v 1908 rotsi [Ukrainian Press in 1908], in *Rada*. 1909. No. 2. Pp. 1–2 (in Ukrainian).
- Yefremov S. Z nashogo zhyttya [From Our Life], in *Rada*. 1907. No. 89. Pp. 2–3 (in Ukrainian).
- Zhurba Ya. Listy z Ukrainy [Letters from Ukraine], in *Nasha niva*. 1909. No. 13–14. Pp. 200–202 (in Belorussian).
- [Zhylchunovich D.] D. Zh-ch. Peradavy artykul [Editorial], in *Dzyannitsa*. 1916. No. 7. P. 1 (in Belorussian).
- I. M-ski. Gutarki s chytachami. Yaki shryft? [Talks with Readers. Which Script?], in *Nasha niva*. 1912a. No. 4. Pp. 2–3 (in Belorussian).
- I. M-ski. Gutarki s chytachami. Yaki shryft? [Talks with Readers. Which Script?], in *Nasha niva*. 1912b. No. 5. Pp. 2–3 (in Belorussian).
- Ignatiyenko V. *Ukrayins'ka presa (1816–1923 rr.)* [Ukrainian Press, 1816–1923]. Kiev: Derzhavne vydavnytstvo Ukrayiny, 1926. 78 p. (in Ukrainian).
- Kyyiv'ska khronika [News from Kiev], in *Borot'ba*. 1906. No. 2–3. P. 5 (in Ukrainian).
- Krups'kyi I.V. *Natsional'no-patryotychna zhurnalistyka Ukrayiny (druga polovyna XIX–persha chvert' XX st.)* [National-Patriotic Journalism of Ukraine (Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century)]. L'viv: Svit, 1995. 184 p. (in Ukrainian).
- Martsin. Sud "Nashai doli" [Judgement over "Nasha Dolya"], in *Nasha niva*. 1907. No. 3. Pp. 6–7 (in Belorussian).
- Mastyanitsa O. Ot soyuznika do konkurenta: Vospriyatie belorusskogo natsional'nogo dvizheniya v litovskom periodicheskom izdanii "Litwa" v 1908–1914 gg. [From an Ally to a Competitor: the Perception of the Belarusian National Movement in the Lithuanian Periodical "Litwa" in 1908–1914], in *Homo Historicus 2016: Gadavik antropalogichnai gistoryi*. Vil'nya: Belaruski kalgium, 2016. Pp. 79–96 (in Russian).
- Makhonina S.Ya. Istoriya russkoi zhurnalistiki nachala XX veka. [History of Russian Periodical Press of Early 20th Century]. Moscow: Flinta, Nauka, 2011. 240 p. (in Russian).
- Narodny vuchytel'. Ab natsyyanalizatsyi shkoly [On the Nationalization of the School], in *Nasha niva*. 1907. No. 11. Pp. 3–5 (in Belorussian).

Nasha дума. 1907. No. 1. P. 1 (in Ukrainian).

Peradavy artykul [Editorial], in *Nasha niva*. 1906. No. 2. Pp. 1–2 (in Belorussian).

Pechenin I.V. *Evreiskaya periodicheskaya pechat' v Rossiiskoi imperii v XIX–nachale XX vv. Spravochno-analiticheskoe izdanie* [Jewish Periodical Press in the Russian Empire in the 19th–Early 20th Centuries. Reference and Analytical Volume]. Ganover: Evreiskaya starina, 2020. 368 p. (in Russian).

Pomelov B.V. Vydayushchiysya prosvetitel' mariiskogo naroda P.P. Glezdenev i ego missionerskaya deyatelnost' v Vyatskoi gubernii [Outstanding Enlightener of the Mari People P.P. Glezdeenev and His Missionary Activity in the Vyatka Province], in *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki"*. 2016. Vol. 2. No. 2. Pp. 21–28 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 776. Inv. 16. Part I. D. 377.

RGIA. F. 776. Inv. 16. Part I. D. 379.

RGIA. F. 776. Inv. 16. Part I. D. 380.

RGIA. F. 776. Inv. 16. Part I. D. 383.

RGIA. F. 776. Inv. 23. D. 31.

RGIA. F. 776. Inv. 23. D. 46.

RGIA. F. 776. Inv. 23. D. 47.

Statistika proizvedenii pechati, vyshedshikh v Rossii v 1910 g. [Statistics of the Published Editions in Russia in 1910]. Saint Petersburg: Tip. MVD, 1911. 113 p. (in Russian).

Statistika proizvedenii pechati, vyshedshikh v Rossii v 1912 g. [Statistics of the Published Editions in Russia in 1912]. Saint Petersburg: Tip. MVD, 1913. 102 p. (in Russian).

Statistika proizvedenii pechati, vyshedshikh v Rossii v 1913 g. [Statistics of the Published Editions in Russia in 1913]. Saint Petersburg: Tip. MVD, 1914. 114 p. (in Russian).

Statistika proizvedenii pechati, vyshedshikh v Rossii v 1914 g. [Statistics of the Published Editions in Russia in 1914]. Saint Petersburg: Tip. MVD, 1915. 113 p. (in Russian).

Statistika proizvedenii pechati, vyshedshikh v Rossii v 1915 g. [Statistics of the Published Editions in Russia in 1915]. Saint Petersburg: Tip. MVD, 1916. 99 p. (in Russian).

Takazov V.D. *Zhurnalistika i literaturnyi protsess v Ossetii (vtoraya polovina XIX–nachalo XX v.* [Journalism and the Literary Process in Ossetia (the Second Half of the 19th–Early 20th Century)]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Saint Petersburg, 1998. 370 p. (in Russian).

Tkachenko I.V. Vydannya ukraïns'kogo narodnogo tyzhnevnyka "Zasiv" u Kyievi (1911–1912) [Publishing of Ukrainian People Daily "Zasiv" in Kiev (1911–1912)], in *Rukopysna ta knyzhkova spadshchyna Ukrainy*. 2004. Vyp. 9. Pp. 29–45 (in Ukrainian).

Unuchak A. *"Nasha niva" i belaruskі natsyonal'ny rukh (1906–1915 gg.)* ["Nasha Niva" and Belorussian National Movement (1906–1915)]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2008. 186 s. (in Belorussian).

Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya [Forms of the National Movement in Modern States: Austria-Hungary. Russia.

Germany]. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva obshchestvennaya pol'za, 1910. 821 p. (in Russian).

Chernigovets'. Chasopis "Finlyandiya" [Journal "Finlyandiya"], in *Rada*. 1910. No. 52. Pp. 2–3 (in Ukrainian).

Bystryk A.I. Praising Christ, Serving the Nation: The Ideology of the Catholic Newspaper Biełarus (1913–1915), in *Entangled Interaction Between Religion and National Consciousness in Central and Eastern Europe*. Boston: Academic Studies Press, 2020. Pp. 118–129.

Ciobanu Șt. *Cultura românească în Basarabia sub stăpînirea rusă* [The Romanian Culture under Russian Rule]. Chișinău: Editura "Gheorghe Asachi", 1992. 270 p. (in Romanian).

Colesnic Iu. *Basarabia necunoscută* [The Unknown Bessarabia]. Vol. I. Chișinău: Universitas, 1993. 316 p. (in Romanian).

Colesnic Iu. *Basarabia necunoscută* [The Unknown Bessarabia]. Vol. II. Chișinău: Museum, 1997. 286 p. (in Romanian).

Danilov M. *Presă și cenzură în Basarabia. Documentar (Secolul al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea)* [Press and Censorship in Bessarabia. Documentary Study (19th–early 20th Centuries)]. Chișinău: Pontos, 2012. 208 p. (in Romanian).

Georgian Newspapers. Catalogue. Available at: <http://nplg.gov.ge/paperge/en/browse/001026/> (accessed 11 February 2022).

Halippa P. *Publicistica* [Journalism]. Chișinău: Museum, 2001. 278 p. (in Romanian).

Nour A. Un adevărat rus [A True Russian], in *Basarabia*. 1906. No. 12. P. 1.

O înștiințare [Notification], in *Viața Basarabiei*. 1907. No. 2. P. 4 (in Romanian).

Prasa Białoruska [Belorussian Press], in *Litwa*. 1908. No. 4. P. 62 (in Polish).

Prosty P. [Bobicz I.] *Na szto białarusam hazety?* [Why Do Belorussians Need Newspapers] Wilnia: Znicz, 1914. 16 p. (in Belorussian).

Tarasiuk D. Problematyka narodowa na łamach tygodnika "Biełarus" [National Agenda on the Pages of Weekly Magazine "Biełarus"], in *Studia Białorutenistyczne*. 2014. Nr 8. Pp. 11–19 (in Polish).

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.